

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Древнеримское путешествие и путешественники
в Брундизийском пути Горация

Т. В. Кудрявцева

Для цитирования: Кудрявцева Т. В. Древнеримское путешествие и путешественники в Брундизийском пути Горация // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 3. С. 669–684. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.308>

В статье подробно исследуется с точки зрения исторического контекста одно из самых известных древнеримских путешествий, о котором нам поведал римский поэт Гораций в пятом стихотворении первой книги сборника сатир. Стихотворение называется также «*Iter Brundisinum*» («Брундизийский путь») — по конечному пункту, поскольку Гораций ехал из Рима в порт Брундизий на восточном побережье Италии. Гораций в компании своих друзей-поэтов сопровождал Мецената, который отправился с важной дипломатической миссией: он должен был способствовать заключению нового мирного договора между Октавианом и Антонием. Вопрос о хронологии брундизийского путешествия сложен и запутан, в историографии давно идет по этому поводу дискуссия; высказывалось даже предположение, что Гораций выдумал эту поездку, соединив несколько путешествий, случившихся в разные годы. Наиболее вероятная датировка — весна 37 г. до н. э., когда шли переговоры между триумвирами, окончившиеся заключением Тарентинского договора. Доводы в пользу данной версии приводятся в статье. По стилю «*Iter Brundisinum*» — путевые дневниковые записи в поэтической форме *satura*. Информации о политической ситуации в Риме в тексте крайне мало. В последнее время исследователи пытаются усмотреть политический подтекст и аллюзии в некоторых сценах сатиры, казалось, далеких от политики. Эти попытки не всегда представляются удачными. Соответствующие объяснения предлагались и для внезапного финала «*Iter Brundisinum*», который вызывает разочарование у многих историков. Однако пятая сатира — это рассказ о путешествии и переживании этого путешествия именно Горацием. Намеренная отстраненность поэта от политической

Татьяна Владимировна Кудрявцева — д-р ист. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48; <https://orcid.org/0000-0002-1636-5704>, tvkudryavtseva@herzen.spb.ru

Tatyana V. Kudryavtseva — Dr. Sci. (History), Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, nab. r. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-1636-5704>, tvkudryavtseva@herzen.spb.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

повестки, мелкие, но такие важные для его комфорта и самоощущения детали — все это позволяет нам проникнуть в образ мыслей и чувств, переживание дороги римским путешественником, то есть изучить человека во времени.

Ключевые слова: Древний Рим, путешествие, Гораций, сатиры, «Брундизийский путь».

Ancient Roman Travel and Travelers in *The Journey to Brundisium* by Horace

T. V. Kudryavtseva

For citation: Kudryavtseva T. V. Ancient Roman Travel and Travelers in *The Journey to Brundisium* by Horace. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 3, pp. 669–684. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.308> (In Russian)

The article examines in detail the historical and real context of one of the most famous ancient Roman journeys, which was described by Horace in the fifth poem of the first book of satires. The poem is also called *Iter Brundisinum*, since Horace traveled from Rome to the port of Brundisium on the east coast of Italy. Horace, with his friends-poets, accompanied Maecenas, who had an important diplomatic mission: he was supposed to facilitate the conclusion of a new peace treaty between Octavian and Anthony. The question of the chronology of this journey is complex and confusing; it was even suggested that Horace made up his story, combining several trips that occurred in different years. The most likely dating is the spring of 37 BC, when negotiations took place between the triumvirs, ending with the conclusion of the Treaty of Tarentum. The article puts forward arguments in favor of this hypothesis. With regards to style, *Iter Brundisinum* is travel diary entries in the poetic form of *satira*; there is little information in the text about the political situation. Recently, researchers have been trying to discern political subtext and allusions in some scenes of this poem. These attempts are not always successful. Some explanations were also suggested for the abrupt ending of *Iter Brundisinum*, which has disappointed many historians. The poet's deliberate detachment from the political agenda, insignificant details that are so important for his comfort and self-perception, allow us to gain insight into the thoughts and feelings, the experience of journey by a Roman traveler, i. e., to study men in time.

Keywords: Ancient Rome, travel, Horace, satires, “Journey to Brundisium”.

Античное общество отличалось исключительной как для Древнего мира, так и для Средних веков мобильностью: и греки, и римляне много путешествовали, в том числе по морю. Римляне, будучи создателями огромной державы, путешествовали не меньше, а может, и больше, чем греки. Деловые люди отправлялись в путь по торговым делам; представители интеллектуальной элиты — для обучения в лучших «университетах» Афин или у прославленных ораторов Эгеиды и Малой Азии. Множество разездов было связано с необходимостью управлять территориями: путешествовали муниципальные чиновники, наместники провинций, военачальники и дипломаты, всегда в сопровождении свиты. Но путешествия совершались, если судить по литературным источникам, и без всякой деловой цели, либо она носила вторичный характер. Главными были сам процесс и компания, позволяющая переносить с легким сердцем тяготы дороги. Об одном из таких путешествий поведал римский поэт Гораций в 5-й сатире первой книги¹, которая назы-

¹ Первая книга Горациевых «Сатир» — самая ранняя из его опубликованных работ — вышла в свет примерно в 35 г. до н.э., возможно, зимой 36/35 г. Аргументы в пользу последней датировки см.: *DuQuesnay I. M., Le M. Horace and Maecenas: the Propaganda Value of Sermones I // Poetry and*

вается также «Iter Brundisinum» («Брундизийский путь») — по конечному пункту, поскольку Гораций ехал из Рима в порт Брундизий, расположенный на восточном побережье Италии.

К этому времени в Риме уже сложилась определенная литературная традиция путевых заметок. Можно вспомнить, например, не дошедшую до нас поэму Цезаря «Iter» («Путь»), в которой римский полководец описал свою поездку из Рима в провинцию Дальняя Испания, длившуюся 24 дня (Suet. Jul., 56, 5). Гай Гельвий Цинна, приятель поэта Катуллы и его собрат по перу, сочинил «Propemptikon» (Προπεμτικόν) — стихотворное пожелание счастливого пути и одновременно путеводитель для известного политика, литератора и интеллектуала Азиния Поллиона, возможно, предназначенный для его путешествия в Киликию в 56 г. до н. э.²; это сочинение также утрачено. Но первые поэтические описания путешествий связаны с именем римского поэта предшествующей эпохи — Гая Луцилия (II в. до н. э.). По утверждению схолиаста Порфириона, Гораций в своем «Iter Brundisinum» подражал именно ему (Comm., 1). С именем Луцилия связано и «зарождение римской поэзии личного самовыражения», и рождение жанра *satura* (лат. «смесь, всякая всячина»), то есть римской сатиры³. К сожалению, от его творчества сохранились лишь фрагменты. В третьей книге своих сатир поэт описал «Iter Siculum» («Сицилийский путь») — из Рима в Капую, затем к Сицилийскому (Мессинскому) проливу между южным берегом Калабрии и восточным побережьем Сицилии. Путешествие Луцилия состоялось примерно между 120 и 116 гг. до н. э.; вероятно, поэт навещал свои поместья на юге Италии и в Сицилии⁴. Известно, что Гораций довольно критично относился к Луцилию, порицая его за многословность, недисциплинированность в стихосложении и небрежность в отделке стихов⁵.

Описанием своего брундизийского путешествия Гораций бросает вызов, явно желая превзойти собрата по цеху в состязании путевых заметок, но в то же время он немало почерпнул из техники и стилистики путевых заметок Луцилия, используя саму модель представления травелога в жанре *satura*⁶.

Итак, «Брундизийский путь» Горация — это и подражание Луцилию, и состязание с ним. Отправимся в путешествие вместе с поэтом — по Аппиевой доро-

Politics in the Age of Augustus. Cambridge, 1984. P.20–21; Brown P.M. Commentary // Horace Satires I / introd., text, transl., comment. by P.M. Brown. Warminster, 1993. P.3.

² Wiseman T. Cinna the Poet and other Roman Essays. Leicester, 1974. P. 48.

³ Альбрехт М., фон. История римской литературы: в 3 т. Т. 1 / пер. с нем. А. И. Любжина. М., 2003. С. 287, 290–291, 298–302. — О Луцилии как об «изобретателе» (inventor) сатиры говорил и Гораций: Sat., I, 10, 48.

⁴ Мнение переводчика и комментатора Луцилия Э. Уармингтона см.: Remains of Old Latin. Vol. 3 / ed. and transl. by E. H. Warmington. London, 1938. P. 30.

⁵ Classen C.J. Die Kritik des Horaz an Lucilius in den Satiren I 4 und I 5 // Hermes. 1981. Bd. 109. S. 340.

⁶ Подробное исследование влияния Луцилия на Горация см.: Fiske G.C. Lucilius and Horace. A Study in the Classical Theory of Imitation. Madison, 1920 (сопоставление 5-й сатиры с фрагментами Луцилия: P.306–316). Влияние «Iter Siculum» Луцилия на «Iter Brundisinum» Горация отмечали многочисленные комментаторы и исследователи творчества римских поэтов. См., например: Palmer A. Notes // Q. Horati Flacci Sermones. The Satires of Horace / ed. by A. Palmer. London, 1885. P. 171; Rudd N. The Satires of Horace. Cambridge, 1966. P. 54–56; DuQuesnay I. M., Le M. Horace and Maecenas. P. 40; Fraenkel E. Horace. Oxford, 1997. P. 106; Brown P.M. Commentary. P. 139; Cucchiarelli A. La satira e il poeta. Orazio tra Saturae e Epodi. Pisa, 2001. P. 56–83; Freudenburg K. Satires of Rome. Threatening Poses from Lucilius to Juvenal. Cambridge, 2001. P. 52; Gowers E. Commentary // Horace: Satires Book I / ed. by E. Gowers. Cambridge, 2012. P. 184.

ге (Via Appia), затем через горы по Минуциевой (Via Minucia) и вдоль побережья к Брундизию. Гораций путешествует в свите Мецената, в качестве члена его «команды» (*cohors amicorum*). Меценат едет с важной дипломатической миссией: с целью заключения нового мирного договора между Октавианом и Антонием. Первый мирный договор — Брундизийский — был заключен между триумвирами в 40 г. до н. э. Речь теперь шла о новом соглашении. Однако вопрос о хронологии брундизийского путешествия — сложен и запутан, в историографии давно идет по этому поводу дискуссия. Высказывалось даже предположение, что Гораций выдумал эту поездку, возможно, соединив несколько путешествий, случившихся в разные годы, то есть что она является литературной фикцией. Первым это почти скандальное мнение обосновал Г. Музирилло⁷, и у него нашлись сторонники⁸.

Появление этого гиперкритического мнения не случайно: помимо сложностей с хронологией и предполагаемым временем года поездки (о чем будет сказано ниже), необходимо еще совместить маршрут, которым следовал Меценат с друзьями, с местом заключения договора, и с этим также проблема. Рассмотрим возможные варианты и исторический контекст тогдашних дипломатических переговоров между триумвирами. Брундизийский договор 40 г. до н. э., итогом которого стало примирение Антония и Октавиана, раздел между ними сфер влияния и женитьба Антония на сестре Октавиана Октавии (Cass. Dio, XLVIII, 28–30; App. BC, V, 63–65), отпадает сразу — Гораций тогда еще не был знаком с Меценатом (Sat., II, 6, 40)⁹. В августе 39 г. триумвиры заключили Мизенский мир с Секстом Помпеем, но примирение оказалось недолгим, отношения между Октавианом и Секстом Помпеем стали ухудшаться с осени 39 г., когда Октавиан развелся со Скрибонией¹⁰. В начале 38 г. случился открытый конфликт, а весной Октавиан потерпел неудачу в морском сражении у побережья Кум и в Мессинском проливе (Cass. Dio, XLVIII, 46–47; App. BC, V, 81–83). И осенью 38 г. Меценат по поручению Октавиана отплыл из Брундизия в Афины, чтобы увидеться с Антонием (тот проводил там зиму вместе с Октавией) и заручиться его поддержкой в борьбе против Помпея (App. BC, V, 92).

По утверждению Плутарха, Антоний из-за каких-то наветов проникся к шурину враждой («ἔκ τινῶν διαβόλῶν παροξυνθεὶς πρὸς Καίσαρα» (Plut. Ant. 35)). Прибыв в Италию с флотом из 300 судов, он захотел высадиться в Брундизии, но город отказался его принять, и он пристал в Таренте. Назревавший между триумвирами очередной конфликт пришлось улаживать Октавии при поддержке Агриппы и Мецената (Plut. Ant. 35).

Версия Аппиана несколько расходится с Плутарховой: александрийский историк упоминает о взаимных упреках партнеров по триумвирату, однако ничего не пишет об отказе брундизийцев принять Антония, указывая, что в начале весны 37 г. Антоний «отплыл из Афин в Тарент с тремястами кораблями, чтобы, как обещал, действовать в союзе с Цезарем» (App. BC, V, 93; пер. А. И. Тюменева). Иначе го-

⁷ Musurillo H. A. Horace's Journey to Brundisium: Fact or Fiction? // Classical World. 1954. Vol. 48. P. 162.

⁸ С оговорками см.: Anderson W. S. «Poetic fiction»: Horace, Serm. 1. 5 // Classical World. 1955. Vol. 49. P. 57–59.

⁹ В круг друзей Мецената Гораций попал не ранее первой половины 38 г. до н. э.: Ehlers W.-W. Das 'Iter Brundisium' des Horaz (Serm. 1, 5) // Hermes. 1985. Bd. 113. S. 70.

¹⁰ Скрибония — родственница Секста Помпея, вторая жена Октавиана, родившая его единственного ребенка — дочь Юлию. См.: Pelling C. Plutarch: Life of Antony. Cambridge, 1988. P. 213.

вора, по версии Плутарха, Антоний отправился к берегам Италии с враждебными намерениями, а по версии Аппиана — с дружеской помощью. Впрочем, здесь нет особого противоречия: Антоний мог заявлять о желании помочь Октавиану, но на самом деле стремился получить для себя какие-то преференции, используя такой наглядный аргумент, как 300 своих кораблей; и лицемерие его заявлений о «помощи» было всем очевидно. В чем сходятся оба автора: атмосфера была достаточно напряженная; активную роль в примирении сыграли Октавия и Меценат; в конце концов Антоний высадился в Таренте, где и был заключен Тарентинский договор, продлевавший на пять лет полномочия триумвиров (Plut. Ant., 35; App., V, 92–93)¹¹.

Путешествие Горация с друзьями было связано с готовящимися переговорами, но с какой именно их стадией, точно определить невозможно. Это могла быть как осень 38 г., когда Меценат отправился через Брундизий к Антонию в Афины¹², так и, что более вероятно, весна 37 г., когда шли переговоры, окончившиеся заключением Тарентинского договора¹³. В пользу весны (и, соответственно, 37 г.) свидетельствует хор лягушек в Помтинских болотах: «злобные комары и болотные лягушки спать не дают» («*mali culices ranaeque palustres*» (Hor. Sat. I, 5, 14–15)). Еще в начале XX в. один из исследователей, проконсультировавшись с учеными-зоологами, отметил: лягушки поют хором в Центральной и Южной Италии примерно с февраля по апрель (это связано с окончанием брачного периода)¹⁴. Сильные дожди, размывшие дорогу («*iter et factum corruptius imbri*» (Ibid., 95)), и сырые ветки с листьями, горящие в камине («*udos cum foliis ramos urente camino*» (Ibid., 81)), может, и навевают картину осени¹⁵, однако подходят и для весны.

Есть, правда, некая странность с маршрутом: если миссия Мецената, в которой участвовал поэт, была связана с Тарентинским соглашением, то неразумно следовать в Тарент через Брундизий, ибо приходится делать крюк¹⁶. Но Антоний, как уже было сказано, в начале 37 г. до н. э. не скрывал, что отправляется с флотом к Брундизию, и, возможно, какая-то встреча там и планировалась, но жители города, обеспокоенные и не очень доверявшие благим намерениям триумвира, отказались его впустить. Меценат же и его спутники ехали в Брундизий, ибо еще не было известно об этом отказе брундизийцев и о вынужденном отплытии Антония к Таренту¹⁷.

¹¹ Обычно датируется сентябрем или октябрем 37 г., но Пеллинг полагает, что более вероятная датировка — июль-август (Plutarch: Life of Antony. P. 214).

¹² См., например: Kirkland J. H. Notes // Horace. Satires and Epistles. Boston, 1893. P. 158; Palmer A. Notes. P. 171–172.

¹³ Ряд исследователей допускают датировку как 38 г., так и 37 г., более склоняясь к последнему: Rudd N. The Satires of Horace. P. 54, 280–281; Rooy C. A., van. Arrangement and Structure of Satires in Horace, Sermones, Book I: Satires 5 and 6 // Acta Classica. 1970. Vol. 13. P. 45; Pelling C. Plutarch: Life of Antony. P. 214; Reckford K. J. Only a Wet Dream? Hope and Skepticism in Horace, Satire 1.5 // American Journal of Philology. 1999. Vol. 120. P. 526; Cucchiarelli A. La satira e il poeta. P. 17. — Предпочитают весну 37 г., к примеру: Борухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Саратов, 1993. С. 250; Fraenkel E. Horace. P. 105; Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. New York, 1952. P. 398; DuQuesnay I. M., Le M. Horace and Maecenas. P. 39; Brown P. M. Commentary. P. 139; Ehlers W.-W. Das 'Iter Brundisinum' des Horaz (Serm. 1.5). S. 70; Freudenburg K. Satires of Rome. P. 53; Courtney E. The Two Books of Satires // Brill's Companion to Horace. Leiden; Boston, 2013. P. 97.

¹⁴ Gow J. The Frog of Horace, Satires I. 5 // Classical Review. 1901. Vol. 15. P. 117.

¹⁵ Kirkland J. H. Notes. P. 158; Palmer A. Notes. P. 172.

¹⁶ Данный момент неоднократно отмечался. См., например: Palmer A. Notes. P. 172; Musurillo H. A. Horace's Journey to Brundisium: Fact or Fiction? P. 160; Gowers E. Horace, "Satires" 1.5: An Inconsequential Journey // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1993. Vol. 39. P. 49.

¹⁷ Pelling C. Plutarch: Life of Antony. P. 214.

Наконец, Брундизий как конечный пункт миссии мог быть и обманкой, своеобразным поэтическим приемом. Как мы увидим, Горация совсем не интересуют столь важные для судьбы Римского государства переговоры между триумвирами и военно-дипломатические перипетии, он подчеркнуто от них отстраняется, сосредотачиваясь полностью на личных переживаниях, досуге, дорожных приключениях и развлечениях, будучи при этом чрезвычайно скрупулезным в деталях. Брундизий — «неверный» конец в том смысле, что он мог быть финальной точкой путешествия Горация, хотя изначально не планировался как завершение поездки Мецената. Оставив Горация и, вероятно, часть компании в Брундизии, Меценат с теми его спутниками, которые как раз были важны для переговоров, отправился дальше в Тарент. Небольшой крюк — малая жертва во имя приятной дружеской компании, к тому же, судя по темпам передвижения, Меценат не торопился.

Любопытно, что несмотря на важность миссии Мецената (предотвратить очередную раунд гражданских войн), никаких упоминаний об этой цели в стихотворении нет. Есть только беглый и довольно неопределенный намек на саму причину поездки как о привычном для послов (Мецената и Кокцея) примирении друзей (Антония и Октавиана) («*missi magnis de rebus uterque legati, aversos soliti conponere amicos*» (Hor. Sat. I, 5, 28–29)). Единственное упоминание войны (*bellum*) — битва с желудком («*ventri indico bellum*» (Ibid., 6–7)); единственное приводимое соглашение — с лживой красоткой (*mendax puella*) на вилле близ Тревика, которая так и не пришла ночью к прождавшему ее напрасно поэту («*hic ego mendacem stultissimus usque puellam ad mediam noctem exspecto*» (Ibid., 82–83))¹⁸. Эту нарочитую отстраненность поэта от политического измерения, намеренное дистанционирование, скудость информации (учитывая компанию, в которой он путешествовал) неоднократно отмечали исследователи¹⁹.

По стилю «*Iter Brundisinum*» — путевые дневниковые записи в поэтической форме *satura*. Нередко это жалобы на тяготы пути: комары, ночной шум, расстроенный желудок, воспалившиеся глаза. Гораций пишет о развлечениях, которыми путешественники вносили разнообразие в монотонность пути: игра в мяч, кулинарные удовольствия, зрелище пародийного состязания шутов. Достопримечательности и красоты природы упоминаются редко: фигурируют источник богини Феронии, белые утесы Анксура, родные горы Апулии, чудо-камень в Гнации, на котором горит ладан без огня. Есть любопытные зарисовки персонажей, встреченных в пути: напыщенного чиновника из Фунд Ауфидия Луска, скоморохов Мессия Кикирра и Сармента. С большой теплотой говорит поэт и о своих друзьях-спутниках: риторе Гелиодоре, юристе Кокцее Нерве, поэте Вергилии, Вари и, конечно, Меценате.

Перемещалась компания, в которой оказался Гораций, весьма неторопливо. Путь, который можно было проделать за примерно неделю²⁰, занял около 14 дней. Путешествовали на мулах (Ibid., 47) и повозках (Ibid., 86); по каналу через Помптинские болота — на лодках, которые тянули мулы (Ibid., 15–23). Так как Италия

¹⁸ Gowers E. Commentary. P. 182.

¹⁹ Palmer A. Notes. P. 171; DuQuesnay I. M., Le M. Horace and Maecenas. P. 40; Ehlers W.-W. Das 'Iter Brundisinum' des Horaz (Serm. 1,5). S. 74–76; Courtney E. The Two Books of Satires. P. 97.

²⁰ Катон Старший, возвращаясь в Рим после битвы при Фермопилах (Сирийская война с Антиохом III), высадился в Брундизии, за день оттуда добрался до Тарента, провел в дороге еще четыре дня и на пятый доехал до Рима (Plut. Cat. mai. 14); но, правда, он очень торопился.

в начале 30-х гг. I в. до н.э. была наводнена разбойниками, вероятно, их сопровождала охрана, о чем Гораций не упоминает²¹.

До древней столицы вольсков Анксур Гораций ехал вместе с ритором Гелиодором, «ученейшим мужем из греков» (Ibid., 2). О Гелиодоре поэт больше ничего не говорит, и идентифицировать его затруднительно. Т. Фрэнк предположил, что под этим таинственным персонажем скрывается ритор Аполлодор, которого Цезарь избрал в качестве наставника для своего внучатого племянника Гая Октавия (будущего Октавиана Августа) (Suet. Aug., 89): «Аполлодор» не подходил метрически, и поэт изящно заменил «Аполлона» на солнечного бога «Гелиоса»²², к тому же Аполлон-Феб также олицетворял собою свет и солнце. Однако современная исследовательница Э. Гоуэрс высказала довольно экстравагантную гипотезу: Гелиодор — не человек, а путеводитель, чтением которого скрашивал свой досуг в пути Гораций²³. Действительно, есть упоминания о жившем в I в. до н.э. греческом писателе Гелиодоре, авторе поэмы «Италика θεάματα» («Италийские виды»), или (вариант названия) «Италика θαύματα» («Италийские чудеса»), в которой в особенности описывался район Кампании между ПUTEОЛАМИ и Лукринским озером²⁴. Сохранилось 16 строк из этой поэмы у византийского компилятора V в. Стобея (Stob. 3, p. 244 Meineke²⁵), в которых упоминается чудесный горячий источник на вилле Цицерона в ПUTEОЛАХ, излечивавший глазные болезни²⁶. Кстати, издатель Стобея, А. Майнеке, предложил вместо «Италика θαύματα» чтение «Ιατρικὰ θαύματα» («Врачебные чудеса»).

Полагаю, однозначно определить спутника Горация как Гелиодора, а на самом деле ритора Аполлодора, или как Гелиодора то ли трэвел-журналиста, то ли врача-поэта, не представляется возможным, но в любом случае это был все-таки человек во плоти, а не книга. Собственно, в этом никто не сомневался до г-жи Гоуэрс, да и после ее смелого предположения сторонников расчеловечивания Гелиодора нашлось немного²⁷.

Первой ночевкой для поэта и его спутника стала Ариция, город на Аппиевой дороге, у подножия Альбанских гор (16 римских миль от Рима): «В бедной гостинице вскоре Ариция нас приютила» (Hor. Sat. I, 5, 3; здесь и далее пер. М. А. Дмитриева). Следующая остановка — Аппиев Форум (Forum Appii), рядом с Помптинскими болотами (27 миль от Ариции): «весь корабельщиков полный, да и плутов корчмарей» (Ibid., 4–5). Корабельщиков (*nautis*) было полно, так как в этом месте начинался шедший параллельно дороге канал через Помптинские болота (всего 16 миль), построенный, вероятно Цезарем²⁸. Лодки тащили мулы.

²¹ DuQuesnay I. M., *Le M. Horace and Maecenas*. P. 39–41 (автор объясняет это умолчание желанием представить миссию Мецената как путешествие «обычного» состоятельного римского всадника, а также полагает его частью пропаганды триумвиров, которую здесь ненавязчиво транслирует поэт: мир между триумвирами принес жителям Италии безопасность, в том числе на дорогах).

²² Frank T. *Heliodoros-Apollodoros: Horace Serm. i. 5. 2* // *Classical Philology*. 1920. Vol. 15. P. 393.

²³ Gowers E. *Horace, "Satires" 1.5*. P. 54; eadem. *Commentary*. P. 187.

²⁴ Müller K. O., Donaldson J. W. *A History of the Literature of Ancient Greece*. London, 1858. Vol. 3. P. 96. — Авторы считают очень сомнительным, что это тот же Гелиодор, который был спутником Горация (note 6).

²⁵ Meineke A. *Discrepantia lectionis a textu Gaisfordi* // *Ioannis Stobaei Florilegium*. Vol. 3 / *Rec. A. Meineke*. Lipsiae, 1856. P. XLI. — Майнеке полагал, что Гелиодор был врачом.

²⁶ Об этом же целебном источнике писал Плиний Старший (*Nat. Hist.*, XXXI, 3, 7–8).

²⁷ Предложение Э. Гоуэрс пришлось по душе: *Freudenburg K. Satires of Rome*. P. 55.

²⁸ *Ashby Th. Forum Appii* // *Encyclopædia Britannica* / ed. by H. Chisholm. Vol. 10. Sl. 6. Cambridge, 1911. P. 729.

Ужин здесь Горацию пришлось пропустить: от сквернейшей воды (*propter aquam, quod erat deterrima*) у него расстроился желудок (Hor. Sat. I, 5, 8–9). На ночь усталые путники разместились в лодке. Они хотели спать, но им мешали сначала гребцы, ругавшиеся со слугами, затем комары да лягушки, и «лодочник пьяный с погонщиком», которые «взъапуски петь принялись про своих далеких подружек» (Ibid., 14–16). Перед тем, как заснуть, один из них «зацепил за высокий камень свою бечеvu и мула пустил» (Ibid., 16–17), и только на рассвете стало ясно, что лодка не движется с места (*nil cum procedere lintrem* (Ibid., 20)). Некто — самый, видимо, рассерженный — возвращает с помощью побоев на путь истинный и мула, и его хозяина (Ibid., 21–23), но к святилищу и источнику Феронии²⁹, что примерно в трех римских милях от Анксур (Таррацины), путники прибывают с опозданием, в четвертом часу³⁰ выйдя на берег (Ibid., 23). Водой источника, следуя обычаю, омыли лицо и руки (Ibid., 24), устроив заодно пикник (*pransi* (Ibid., 25)). Добравшись до Анксур, путники любовались его белыми утесами (*inpositum saxis late candentibus Anxur* (Ibid., 26)) — это чуть ли не единственное описание красивого ландшафта в «*Iter Brundisinum*».

В Анксуре Горация ждал Меценат с Кокцеем Нервой (Ibid., 27–28)³¹. Здесь как раз поэт отмечает, что «оба привыкли друзей примирять, соглашая их пользы» (Ibid., 29). Имеется в виду роль, которую сыграли Меценат и Нерва в заключении Брундизийского договора. Во время переговоров Меценат представлял Октавиана, Поллион — Антония, а Кокцей помогал как беспристрастный друг обоим (App. BC, V, 64). К ним присоединился и Гай Фонтей Капитон, друг (*amicus*) и доверенное лицо Антония (Ibid., 32–33)³². Поэт не преминул прибегнуть к насмешливому контрасту: прибывают все эти важные персоны с их важной миссией, а его более волнуют воспалившиеся глаза, которые он лечит черным коллирием³³ («*hic oculis ego nigra meis collyria lippus inlinere*» (Ibid., 30–31)). Воспаление слизистой оболочки глаз (*lippitudo*), чем страдал Гораций, случилось из-за воздействия болотных испарений (в данном случае — Помптинских болот), на которые в Италии можно наткнуться в немалом количестве мест: так после пересечения заболоченной долины Арно Ганнибал потерял глаз (Liv., XXII, 2, 11). А Кукиарелли, правда, пытается увидеть здесь нечто большее, некий подтекст, усматривая связь между больными глазами Горация и эпизодом из «Женщин в народном собрании» Аристофана, где упоминается горлопан Неоклид-Бельмо (ὁ γλάζων). Один из аристофановских героев, Хремет, сетует: «Ужасно, что пускают разговаривать, / к тому же о спасении отечества, / того, кто глаз своих не может вылечить» (Eccl., 400–403, пер. А. Пио-

²⁹ Ферония — богиня плодородия дикой природы, полей, лесов. Отождествлялась с Юноной и почиталась как Юнона Ферония (*Juno Feronia*), супруга Юпитера Анксурийского (Serv. Verg. Aen., VII, 799). В ее святилище близ Таррацины отпускали на волю рабов, что сделало Феронию особо популярной среди рабов и вольноотпущенников. См., например: Ферония // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991. С. 572.

³⁰ Четвертый час от рассвета, то есть около 9–10 часов утра.

³¹ Имеется в виду юрист Марк Кокцей Нерва, консул 36 г. до н. э., прадед первого из Антонинов, или Луций Кокцей Нерва (Porph. Comm., 27), его брат, консул-суффект 39 г. до н. э.

³² Гай Фонтей Капитон, *homo novus*, народный трибун 39 г. до н. э., консул-суффект 33 г. до н. э. В 37 г. до н. э. в качестве легата Антония ездил в Египет за Клеопатрой и сопровождал ее в поездке к Антонию в Сирию (Plut. Ant., 36, 1). См.: Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. P. 398.

³³ Эта мазь упоминается у Цельса (VI, 6, 7). См.: Gowers E. Commentary. P. 194.

тровского). Больные глаза (*lippitudo*) здесь — помеха в политической деятельности, а для поэта — оправдание его нежелания быть ей сопричастным, своеобразная «физиология отказа» (*recusatio*)³⁴.

Следующий город, куда прибывает компания, — Фунды, где во главе городского управления стоял чиновник по имени Ауфидий Луск. Его звание и статус не очень ясны: Горация со товарищи он встретил в тоге-претексте и тунике с широкой пурпурной полосой («*praetextam et latum clavum*» (Hor. Sat. I, 5, 36)), которую носили высшие римские магистраты. Поэт называет Ауфидия претором («*Aufidio Lusco praetore*» (Ibid., 34)). Однако, судя по надписи (CIL I, 1187), Фунды управлялись эдилами. Возможно, Ауфидий хотел *казаться* претором, не будучи им по факту, что вполне соответствует образу этого чванливого магистрата. Гораций, насмехаясь, специально отмечает, что тот в Риме был простым писцом («*scribae*» (Hor. Sat. I, 5, 35)). Но даже если предположить, что сей местный хозяин городка когда-то был претором, то есть курульным магистратом, и следовательно, мог носить тогу претексту, то уж вряд ли он был сенатором, а значит, на широкополосную тунику (*laticlava*) прав не имел³⁵. Иронический подтекст напыщенной самопрезентации Луска — еще и в напрашивающемся сравнении: ведь Меценат как всадник, не занимавший никакой должности, носил тунику с узкой полосой (*angusticlava*)³⁶. Комический эффект усиливает и упоминание о курильнице с углями (Ibid., 36), которую прихватил этот «сумасшедший писец» («*insani <...> scribae*» (Ibid., 35)), и его то ли имя, то ли прозвище, порожденное особенностями внешности, — *Luscus* — «Одноглазый». Компания Мецената с облегчением простилась с Фундами и тщеславным магистратом, управлявшим этим муниципием («*libenter linquimus*» (Ibid., 34–35)).

«После, усталые, в городе мы отдохнули Мамурров» (Ibid., 37). Следующая остановка — «город Маммуров» — это Формии (*Formiae*), рядом с которыми находилась вилла Мамурры. Мамурра — известный герой нескольких сатирических стихотворений Катутла: против Мамурры как Цезарева любимца (Ibid., 29) и против их обоих вместе (Ibid., 29; также 57, 1 — «*славно два подлеца развратных спелись*»; перевод С. В. Шервинского), против Мамурры под ругательной кличкой *Mentula* — «Член» (Ibid., 94, 105, 114, 115), против любовницы Мамурры (Ibid., 41, 43)³⁷. От клейма, столь метко поставленного поэтом, избавиться трудно, но в том, что сообщает главный источник сведений о Мамурре (помимо Катутла) Плиний Старший, ссылаясь на Корнелия Непота, нет ничего особо порочащего: Мамурра служил в качестве инженера (*praefectus fabrum*) в галльской кампании Цезаря (Plin. Nat. Hist., XXXVI, 7). Он был первым, кто облицевал стены своего дома мрамором, а также украсил его мраморными колоннами (Ibid.).

В Формиях усталым путникам был предоставлен достойный ночлег и угощение: «Здесь нам Мурена свой дом предложил, Капитон — угощение» (Hor. Sat. I, 5, 38). Луций Лициний Варрон Мурена, шурин Мецената (Hor. Od., II, 10), сын консула 62 г. до н. э. Луция Лициния Мурены, усыновленный Авлом Теренцием Варро-

³⁴ Cucchiarelli A. La satira e il poeta. P. 66–71.

³⁵ Kirkland J. H. Notes. P. 163; Palmer A. Notes. P. 179; Brown P. M. Commentary. P. 143; Gowers E. Commentary. P. 196.

³⁶ На это обращает внимание: Brown P. M. Commentary. P. 143.

³⁷ О Мамурре см.: McDermott W. C. Mamurra, eques Formianus // Rheinisches Museum für Philologie. 1983. Bd. 126. P. 292–307. — МакДермотт полагает, что в момент путешествия Горация Мамурра уже умер, но точных сведений о годах его жизни нет.

ном³⁸. Замужем за Меценатом была его сестра по усыновлению — Теренция. Самого Мурены тогда в Формиях, по-видимому, не было, но ночлег его заботами путешественникам предоставили³⁹, а угощение организовал Капитон.

В 18 милях от Формий располагалась Синуэсса (современная Мондрагора), последний город в Лации перед Кампанией и последний, где Аппиева дорога выходила к морю. День в Синуэссе поэт называет самым приятным («*gratissima*» (Hor. Sat. I, 5, 39)), ибо сюда прибыли и присоединились к путешественникам друзья и братья по поэтическому цеху «*Вергилий, и Плотий, и Варий*» (Ibid., 40). Марк Плотий Тукка, хотя сам не писатель, принадлежал к кругу поэтов, близких Меценату, подобно Луцию Варию Руфу, трагеднографу (Tac. Orat., 12; Quint. Ins. orat., X, 1, 98) и эпическому поэту (Hor. Sat. I, 10, 43; Od., I, 6, 1; Macr. Sat., VI, 1, 39; 2, 19). Когда-то Варий вместе с Вергилием представили Горация Меценату (Hor. Sat. I, 6, 54–55), а после смерти Вергилия именно Тукка и Варий позаботились о наследии поэта и издали его «Энеиду». Эта троица (Вергилий, Тукка и Варий) приехала, скорее всего, из окрестностей Неаполя, где проживал Вергилий⁴⁰. Встреча с друзьями вдохновила Горация на проникновенную сентенцию, ставшую крылатым выражением: «Нет! покуда я в здравом уме, ничего не сравню я с другом!» («*nil ego contulerim iucundo sanus amico*» (Hor. Sat. I, 5, 44)). Здесь справедливо видят эпикурейскую аллюзию — прославление дружбы, каковая была одной из главных составляющих эпикурейской счастливой жизни⁴¹.

Гораций со спутниками ночевал в именьеце (*villula*) близ Кампанийского моста⁴², причем «поставщики же нам соль и дрова прислали, как должно» («*parochi, quae debent, ligna salemque*» (Ibid., 45–46)). Как отмечали комментаторы текста Горация, *villula* — это, вероятно, *villa publica* — общественная вилла, используемая для размещения официальных лиц, путешествующих по государственной надобности⁴³. Смотрители таких заезжих дворов — *caurones*, или *parochi*, — обязаны были предоставить ночлег и обеспечить путников постелью, топливом, солью, кормом для лошадей, за что получали от казны определенную плату. Юлиев же закон о вымогательстве (*lex Iulia de repetundis*), принятый во времена консульства Юлия Цезаря в 59 г. до н. э., фиксировал (а возможно, и ограничивал) все то, что было необходимо для обслуживания⁴⁴.

³⁸ Flüß M. Terentius 92 // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1934. Bd. V A, 1. Col. 706–710. — В 23 г. до н. э. Мурена был консулом и то ли в этом же, то ли в следующем году примкнул к заговору Фанния Цепиона против Августа (Cass. Dio, LIV, 3–5; Vell., II, 91, 2; Suet. Aug., 19, 1; Tib., 8; Tac. Ann., I, 10, 5), был осужден по обвинению в оскорблении величия и казнен.

³⁹ Такая форма гостеприимства была общепринятой. А. Палмер (Palmer A. Notes. P. 180) приводит отрывок из письма Цицерона Аттику: «...был я с удовольствием у нашего Тесты, и меня не могли принимать с большей щедростью, особенно учитывая отсутствие хозяина» (Cic. Att., 16, 6).

⁴⁰ Brown P. M. Commentary. P. 144.

⁴¹ См., например: Reckford K. J. Only a Wet Dream? P. 534; Freudenburg K. Satires of Rome. P. 54. — Цицерон в трактате «О пределах блага и зла» пишет: «Эпикур же говорит, что из всего, что создала мудрость для достижения счастливой жизни, нет ничего плодотворнее, ничего приятнее, чем дружба» (Cic. Fin., I, 65; пер. Н. А. Федорова).

⁴² Кампанийский мост — мост через реку Савон, в трех милях от Синуэссы, на границе Кампани.

⁴³ DuQuesnay I. M., Le M. Horace and Maecenas. P. 41; Brown P. M. Commentary. P. 144–145; Gowers E. Commentary. P. 198.

⁴⁴ В одном из писем к Аттику Цицерон отмечает скромность своих требований по размещению: «Знай, что мы не берем не только сена или иного, что обычно дается по Юлиеву закону, но даже

В Капуе (следующая остановка) Меценат со товарищи развлекали себя игрой в мяч, а Гораций с Вергилием «сну предались, потому что в бросании мяча упражняться / вредно и слабому зрению, вредно и слабым желудкам» (Ibid., 48–49, в русском переводе: 49–51). Болезнь глаз (*lippis*) — это Гораций написал о себе, а тому, что у Вергилия были проблемы с пищеварением, есть многочисленные свидетельства (см.: Suet. Vita Verg., 8; Acron. Comm. in Serm. I, 5, 49).

Неясно, ночевала ли компания в Капуе или после игры проследовала далее, мимо «кавдийских⁴⁵ трактиров» («*Caudi cauponas*» (Hor. Sat. I, 5, 51)), недалеко от которых (уже в Самнии) Гораций со спутниками отдыхал на «роскошной вилле» (*plenissima villa*) Кокцея Нервы. Здесь их ждала очередная забава: шутовской поединок Кикирра и Сармента (Ibid., 51–70). Состязание этих двух скоморохов занимает значительное место в повествовании: друзья не только отдохнули от дороги, но и разнообразили свой досуг. Возможно, что-то похожее было и у Луцилия⁴⁶. Некоторые исследователи усмотрели в поединке Кикирра и Сармента политическую аллгорию вражды Октавиана и Антония⁴⁷, однако подобная интерпретация кажется в высшей степени сомнительной.

Начинается поединок шутовым обращением: «Муза! поведай нам кратко теперь, как в битву вступили Мессий Цицирр и Сармент» (Ibid., 54–55). Здесь не только пародия на эпический стиль (начальные строки гомеровских поэм), но и, вероятно, отсылка к комичному обращению к музам перед агонем Эсхила и Еврипида в «Лягушках» Аристофана (Ran., 875–880)⁴⁸. Призыв к музе поведать о поединке кратко («*raucis*» (Hor. Sat. I, 5, 52)) — предположительно упрек Луцилию, затянувшему свой рассказ⁴⁹.

Пародийное вступление (*exordium*) дополняется пародийным же представлением родословных героев, как в эпосе (Ibid., 53)⁵⁰. О Мессии, состоявшем кем-то вроде домашнего шута на вилле Кокцея, сказано, что он оск по происхождению (Ibid., 54). «Кикирр» (*Cicirrus*, от греч. Κικίρρος — «петух») — его прозвище, которое, по мнению А. А. Фета, он получил за свой хриплый голос и запальчивость⁵¹. В этом прозвище также усматривали намек на одного из персонажей осской ателланы: петушок из этой народной комедии масок стал родоначальником «Пульчинеллы» из итальянской комедии дель арте⁵².

дров» (Cic. Att. V, 16, 3; перевод В. О. Горенштейна). См. подробнее: Courtney E. Problems in the Satires of Horace // *Hermathena*. 2010. No. 188. P. 16–18.

⁴⁵ Кавдий (*Caudium*) расположен в 20 римских милях от Капуи, поблизости от знаменитого Кавдинского ущелья, где римляне в 321 г. до н. э. попали в засаду, устроенную самнитами, а после капитуляции вынуждены были пройти под игом. Интересно, что Гораций совершенно игнорирует эту достопримечательность.

⁴⁶ По мнению Э. Уармингтона, у Луцилия состязались гладиаторы (Remains of Old Latin. P. 35).

⁴⁷ D'Antò V. Il viaggio di Orazio da Roma a Brindisi // *Rendiconti della Accademia di Archeologia, Lettere e Belle Arti. Napoli*, 1949–1950. Vol. 24–25. P. 248–250. — С этой интерпретацией склонен согласиться: Anderson W. S. «Poetic fiction»: Horace, Serm. I. 5. P. 58–59.

⁴⁸ Cucchiarelli A. La satira e il poeta. P. 29.

⁴⁹ Brown P. M. Commentary. P. 145; Gowers E. Commentary. P. 200.

⁵⁰ О заимствованиях из эпического языка в этой сцене см., например: Ehlers W.-W. Das 'Iter Brundisinum' des Horaz (Serm. I, 5). S. 72.

⁵¹ Фет А. А. Комментарий // К. Гораций Флакк / пер. и объясн. А. Фета. М., 1883. С. 233.

⁵² Первым на это обратил внимание А. Диетерич: Dieterich A. Pulcinella, pompejanische Wandbilder und römische Satyrspiele. Leipzig, 1897. S. 94–95.

Сармент, противник Кикирра, — вольноотпущенник, чья госпожа еще жива («Sarmenti domina exstat» (Hor. Sat. I, 5, 55)). О нем упоминает в пятой сатире Ювенал, а схолиаст этот фрагмент комментирует так: Сармент, этруск по происхождению, «был из дома М. Фавония, то ли вольноотпущенник, то ли раб» («domo M. Favoni, incertum libertus an servus» (Schol. ad Iuv. 5, 3)). Фавоний погиб во время проскрипций после битвы при Филиппах (42 г. до н.э.), и Сармент попал к Меценату, который освободил его и устроил на место писца⁵³. В поездке он сопровождал Мецената в качестве его шута (*scurra*). Упомянутая Горацием «*domina*» — видимо, вдова Фавония. Имя *Sarmentus* отсылает к латинскому «*sarmentum*» («ветка», рл. «сучья, хворост»): Гораций обыгрывает это, упоминая о щедрости Сармента: «...когда он так мал и щеделушен, что довольно и фунта муки для его пропитанья» («*cui satis una farris libra foret, gracili sic tamque pusillo*» (Hor. Sat. I, 5, 68–69)).

Поединок взаимной брани начинается Сармент, сравнивший своего оппонента с дикой лошастью (Ibid., 56–57), у которой срезан рог (намек, видимо, на единорога) — у Мессия был ужасный шрам (*foeda cicatrix*) на левой стороне лица (Ibid., 58–61). Продолжая насмеяться над уродством и высоким ростом противника, Сармент предлагает тому исполнить пляску Циклопа (одноглазого великана)⁵⁴, ибо ему не нужны ни котурны, ни маска (Ibid., 63–64). Он упоминает также о «кампанской болезни» Мессия («*Campanum in morbum*» (Ibid., 62)). Что это за хворь, остается загадкой. Еще античные комментаторы ломали над этим голову: Порфирий («*ore inmundi habiti sunt. Vnde etiam obscenos dictos putant quasi Oscenos*» (Comm. ad I, 5, 62)) и Акрон («*Dicuntur enim Campani et foedi esse et arrogantes*» (Comm. ad I, 5, 62)) увидели здесь намек на сквернословие и непристойное поведение, которым отличались оски, то есть кампанцы. Предлагалась даже соответствующая этимология: *Oscus* — *obscenus*. Современные исследователи высказывали предположения о наростах или бородавках, последствиях некоего венерического заболевания, изменениях внешности при гигантизме и даже о сексуальной ненасытности: танец Циклопа в последнем случае толковался как изображение страсти оного к нимфе Галатее⁵⁵. Намек на Секста Помпея, который Дж. Сэведж усмотрел в сравнении Мессия с Циклопом, кажется все же надуманным, как и соотнесение щедрости Сармента с хрупкостью Брундизийского и Мизенского договоров⁵⁶.

Мессий в своем ответном слове насмеяется над рабским происхождением, малым ростом и subtilностью Сармента (Hor. Sat. I, 5, 65–69).

Шутовской поединок гиганта Мессия и «малыша» Сармента пришелся по вкусу Горацию и компании: они смеялись («*ridemus*» (Ibid., 57), а обед с этим развлечением был долгим и приятным («*prorsus iucunde cenam producimus illam*» (Ibid., 70))⁵⁷.

Совсем иной оказалась трапеза в следующем пункте тура — в Беневенте, родном городе Л. Орбилия Пупилла, грамматика и учителя Горация, запомнившего своему знаменитому ученику беспощадными телесными наказаниями («*temini*

⁵³ О Сарменте см.: Treggiari S. Roman Freedmen during the Republic. Oxford, 1969. P. 271–272.

⁵⁴ О Киклоповом танце упоминает Аристофан в «Богатстве» (Plut., 290).

⁵⁵ См., например: Palmer A. Notes. P. 183; Brown P. M. Commentary. P. 146; Savage J. The Cyclops, the Sibyl and the Poet // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1962. Vol. 93. P. 413; Gowers E. Commentary. P. 202.

⁵⁶ Savage J. The Cyclops, the Sibyl and the Poet. P. 412–415.

⁵⁷ Как заметил Н. Радд, этот буйный юмор вызвал к сокровенным глубинам римского характера и находил там отклик (Rudd N. The Satires of Horace. P. 64).

quae plagosum mihi parvo / Orbilium dictare» (Hor. Ep., II, 1, 70–71)). Отсюда поэт мог любоваться столь знакомыми ему апулийскими горами («*montis Apulia notos*» (Hor. Sat. I, 5, 77)), который сушит горячий Атабул (Ibid., 78). Атабул — местное апулийское имя для сирокко, палящего ветра Сахары (Sen. Nat. Quaest., V, 17, 5; Plin. Nat. Hist., XVII, 232)⁵⁸. Хозяин постоянного двора переусердствовал, жаря дроздов, так что «разлившись по кухне, огонь касался уж крыши», и оставшиеся голодными гости со слугами помогали его тушить (Hor. Sat. I, 5, 71–76).

На вилле близ Тривика компания заночевала (Ibid., 79–80): вероятно, это *villa publica*⁵⁹, как и та, что была «близ Кампанийского моста» (Ibid., 45). Здесь Горация довел до слез дым камина, в котором горели сырые сучья вместе с листьями (Ibid., 80–81), но по-настоящему его расстроило несостоявшееся свидание: «Здесь я обманщицу-девушку ждал, глупец, до полночи» («*hic ego mendacem stultissimus usque puellam / ad mediam noctem exspecto*» (Ibid., 82–83)). К. Рекфорд увидел в сорванной любовной встрече политический подтекст: она символизирует разочарование поэта в достижении договоренности, неверие в устойчивость мира между Антонием и Октавианом, который становится «*only a wet dream*»⁶⁰. Более того, собственное фиаско и унижение поэта («*tum in mundo somnia visu / nocturnam vestem maculant ventremque supinum*» (Ibid., 84–85)) оказываются своего рода жертвой на алтарь апотропеической магии: отвратить зависть богов и предотвратить еще большее разочарование от неудавшихся мирных переговоров⁶¹. Эта смелая интерпретация американского исследователя кажется все же сомнительной, как, впрочем, и «замена верной Одиссеей Пенелопы», которую усмотрела в «лживой девчонке» (*mendacem... puellam*) Э. Говерс⁶².

До Тривика Гораций и его спутники ехали по Аппиевой дороге, следующим пунктом поэт называет Канузий (Ibid., 91), то есть где-то они перешли на Минуциеву дорогу (*Via Minucia*), избрав именно этот путь, хотя он был труднее, а дорога — хуже. Где именно они свернули и по какой причине, остается загадкой. В «Посланиях» Гораций упоминает о том, что выбор между этими дорогами — предмет частных споров: «Спорят, однако о чем? <...> Аппия ль лучше доро́гой, Минуция ль ехать в Брундизий?» (Hor. Ep., I, 18, 19–20; перевод Н. С. Гинцбурга). Возможно, что путешественники свернули в некоем таинственном городке, в 24 милях от тривикской виллы, «которого даже и имя в стих не вместишь» («*orpidulo, quod versu dicere non est*» (Hor. Sat., I, 5, 87)). Схолиасты (Порфирион и Акрон) полагали, что это *Equus Tuticus* (или *Aequum Tuticum*) (Comm. ad I, 5, 87). Однако от Канузия расстояние до него — 60 миль, то есть 89 км, проехать которое за день нереально, поэтому современные комментаторы отвергают эту идентификацию и предлагают Аускул (*Ausculum*⁶³) или Гердонию (*Herdoniae*, или *Ordona*)⁶⁴.

⁵⁸ Авл Геллий называл Атабул «*uentus Horatianus*», то есть «Горациевым ветром» (II, 22, 25).

⁵⁹ На это указывают, например: Brown P. M. Commentary. P. 148; Gowers E. Commentary. P. 207.

⁶⁰ Reckford K. J. Only a Wet Dream? P. 545.

⁶¹ Ibid. P. 546.

⁶² Gowers E. Commentary. P. 207.

⁶³ Desy P. La traversée de l'Apennin par Horace // Latomus. 1988. T. 47. P. 620–625; Ehlers W.-W. Das 'Iter Brundisinum' des Horaz (Serm. 1,5). S. 77. — *Ausculum*, независимо от того, синкопирован ли он или нет, на самом деле вполне вписывается в гекзаметр.

⁶⁴ Radke G. Topographische Betrachtungen zum „Iter Brundisinum“ des Horaz // Rheinisches Museum für Philologie. 1989. Bd. 132. S. 66–71.

В этом неназванном городке путники запаслись водой и превосходным хлебом («panis longe pulcherrimu» (Hor. Sat. I, 5, 89)), при этом поэт не преминул заметить, что так обычно запасаются все, ибо в Канузии хлеб, как камень, а «источника урна там небогата водой» (Ibid., 90–91). Здесь опечаленные друзья расстались с Варием (Ibid., 93).

В Рубы (30 миль, или 44 км, от Канузия) компания прибыла, устав от длинной дороги, к тому же сильно испорченной дождями (Ibid., 94–95), впрочем, до «обильного рыбой» Бария дорога была еще хуже («via peior ad usque Vari moenia piscosi» (Ibid., 94–95, 96–97)). Зато друзей потешила Гнация⁶⁵ (37 миль от Бария), созданная раздраженными лимфами (нимфами источников) («dein Gnatia Lymphis / iratis exstructa dedit risusque iocosque» (Ibid., 97–98)). Схолиасты толкуют выражение *Lymphis iratis* как указание на то, что Гнация испытывала недостаток воды («penuria[e] aquae» (Porph. Comm. ad I, 5, 97)), или вода была соленой и невкусной («salsam aquam aut amaram» (Acr. Comm. ad I, 5, 98)). Поэт уточняет, чем именно Гнация позабывала компанию: «Здесь нас хотели уверить, что тут на священном пороге / ладан горит без огня!» («dum flamma sine tura liquescere limine sacro / persuadere cupit» (Hor. Sat. I, 5, 99–100)). Об этом чуде (с некоторыми вариациями) сообщает Плиний Старший, ссылаясь на некие источники информации (*reperitur apud auctores*): «... в Салентинском городе Эгнация, если положить кусок дерева на некий священный камень, тотчас вспыхнет пламя» (Nat. Hist., II, 240). Порфирион также упоминает об алтаре, на котором сам собой разгорается огонь, если туда положить сухие дрова (Comm. ad I, 5, 98). Поэт не скрывает своего скепсиса относительно данного чуда, почему-то не случившегося на его глазах⁶⁶: «иудей пусть верит Апелла, / а не я» («credat Iudaeus Apella, / non ego» (Hor. Sat. I, 5, 100–101); здесь и далее пер. А. Фета). Выбор в качестве символа легковерия иудея объясняется тем, что иудеи слыли у римлян за людей легковерных и суеверных (ср.: Iuv., XIV, 96–106)⁶⁷. Имя Апелла (префикс *a-*, греческая *alpha privativum*, выражающая отсутствие признака, и *pellis* — «кожа, шкура», то есть «без кожи», «лишенный кожи») также использовано неслучайно и призвано усилить комическо-скептический эффект. В античный период здесь видели намек на обряд обрезания у иудеев (Porph.; Acr., Comm. ad I, 5, 100); современные же комментаторы отмечали, что имя *Apella* — римская форма греческого имени — нередко давалось вольноотпущенникам⁶⁸.

Вслед за критикой гнацийского «чуда» поэт формулирует несколько важных эпикурейских постулатов: «я учился, что боги живут безмятежно» («namque deos didici securum agere aevom» (Hor. Sat. I, 5, 101))⁶⁹; «и если диво какое проявит природа, — не боги ж / в гневе с высокого неба его посылают на землю («nec, siquid miri faciat natura, deos id tristis ex alto caeli demittere tecto» (Ibid., 102–103)). Как справедливо отмечает К. Рекфорд, несмотря на легкую самоиронию и обращение к па-

⁶⁵ *Gnatia* — местный вариант названия Egnatia.

⁶⁶ На это указывает Порфирион (Comm. ad I, 5, 98): «...quod tamen se coram non euenisse nosset».

⁶⁷ Это неоднократно отмечали комментаторы текста Горация, см., например: Фет А. А. Комментарий // К. Гораций Флакк. С. 236; Kirkland J. H. Notes. P. 170; Palmer A. Notes. P. 188; Brown P. M. Commentary. P. 149; Gowers E. Commentary. P. 211.

⁶⁸ Kirkland J. H. Notes. P. 170; Brown P. M. Commentary. P. 149

⁶⁹ Несомненно переключка с Лукрецием («nam bene qui didicere deos securum agere aevom» (V, 82)) и отсылка к эпикурейской атараксии (ἀταραξία).

родии, неверие Горация в чудеса глубоко и искренне. Правда, американский исследователь и здесь усматривает сомнительный, по моему мнению, политический подтекст: эпикурейский пассаж идет перед заключительной констатацией прибытия в Брундивий и якобы намекает на то, что не следует ждать чуда от переговоров триумвиров⁷⁰.

Последняя строка «Брундивийского пути»: «Вот Брундивий; конец и бумаге, и длинной дороге («Brundisium longae finis chartaeque viaeque est» (Ibid., 104)). В Брундивии — в 44 милях (65 км) от Гнации — рассказ Горация внезапно обрывается, к огорчению тех, кто хотел бы узнать, чем закончится миссия Мецената. Продуманный ли это трюк, демонстрирующий нарочитую отстраненность поэта от дипломатических переговоров и актуальной политики? Игнорирование политической составляющей миссии Мецената вызывало и вызывает разочарование у многих историков, начиная еще с Эдуарда Гиббона⁷¹.

Однако пятая сатира — это рассказ о путешествии и переживании этого путешествия именно Горацием, можно сказать, часть его автобиографии⁷². О Горации как путешественнике мы узнаем, что он ценит хорошую еду и комфортный ночлег, страдает от хронических недугов, обострившихся во время путешествий, но более всего ему дороги его спутники, друзья. Его «Брундивийский путь» действительно местами напоминает современные путеводители: какие трактиры хороши/плохи, где комары особенно злы, в каких местах могут быть проблемы с водой или со скверными дорогами и т. п. Тяготы пути, связанные с непривычной водой, некачественно приготовленной пищей, беспокойной ночевкой, окупаются удовольствием от смены обстановки, новых впечатлений, разделяемых с друзьями. И хотя «Iter Brundisinum» разочаровывает тех читателей, кто надеялся узнать что-то о политической ситуации и дипломатических перипетиях, отбор материала, намеренная отстраненность поэта от суеты «важных дел» (*res magnae*) и его самопрезентация, мелкие, но такие важные для его комфорта детали — все это позволяет нам проникнуть в образ мыслей и чувств, переживание дороги римским путешественником, то есть изучить человека во времени⁷³.

References

- Albrecht M., von. *Geschichte der römischen Literatur*. Rus. ed. Moscow, Greko-latinskii kabinet Iu. A. Shichalina Publ., 2003, 2001 p. (In Russian)
- Anderson W. S. "Poetic fiction": Horace, Sermon 1.5. *Classical World*, 1955, vol. 49, pp. 57–59.
- Bloch M. *Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien*. Rus. ed. Moscow, Nauka Publ., 1986, 255 p. (In Russian)
- Borukhovich V. G. *Kvint Goratsii Flakk*. Saratov, Saratov University Press, 1993, 376 p. (In Russian)
- Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*, vol. II. New York, Lancaster Press, 1952, 647 p.
- Brown P. M. Commentary. *Horace Satires I*. Introd., text, transl., comment. by P. M. Brown. Warminster, Aris & Phillips, 1993, pp. 89–194.
- Classen C. J. Die Kritik des Horaz an Lucilius in den Satiren I 4 und I 5. *Hermes*, 1981, Bd. 109, S. 339–360.

⁷⁰ Reckford K. J. Only a Wet Dream? P. 546.

⁷¹ Gibbon E. A Minute Examination of Horace's Journey to Brundisium, and of Cicero's Journey into Cilicia // *The Miscellaneous Works of Edward Gibbon, Esq.* Vol. 4. L., 1814. P. 345.

⁷² Ehlers W.-W. Das 'Iter Brundisinum' des Horaz (Sermon 1,5). S. 75.

⁷³ Знаменитое определение Марка Блока: история — это наука о людях во времени (Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 18).

- Courtney E. Problems in the Satires of Horace. *Hermathena*, 2010, no. 188, pp. 15–27.
- Courtney E. The Two Books of Satires. *Brill's Companion to Horace*. Leiden; Boston, Brill, 2013, pp. 63–168.
- Cucchiarelli A. *La satira e il poeta. Orazio tra Saturae e Epodi*. Pisa, Giardini Publ., 2001, 255 p.
- Desy P. La traversée de l'Apennin par Horace. *Latomus*, 1988, vol. 47, pp. 620–625.
- Dieterich A. *Pulcinella, pompejanische Wandbilder und römische Satyrspiele*. Leipzig, B. G. Teubner, 1897, 326 S.
- DuQuesnay I. M., Le M. Horace and Maecenas: the Propaganda Value of Sermones I. *Poetry and Politics in the Age of Augustus*. Cambridge, Cambridge University Press, 1984, pp. 19–58.
- Ehlers W.-W. Das 'Iter Brundisinum' des Horaz (Serm. 1,5). *Hermes*, 1985, Bd. 113, S. 69–83.
- Fiske G. C. *Lucilius and Horace. A Study in the Classical Theory of Imitation*. Madison, University of Wisconsin Press, 1920, 524 p.
- Fraenkel E. *Horace*. Oxford, Clarendon Press, 1997, 464 p.
- Frank T. Heliodorus-Apollodorus: Horace Serm. i. 5. 2. *Classical Philology*, 1920, vol. 15, p. 393.
- Freudenburg K. *Satires of Rome. Threatening Poses from Lucilius to Juvenal*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, 289 p.
- Gibbon E. A Minute Examination of Horace's Journey to Brundisium, and of Cicero's Journey into Cilicia. *The Miscellaneous Works of Edward Gibbon, Esq.*, vol. 4. London, J. Murray, 1814, pp. 335–354.
- Gow J. The Frog of Horace, Satires I. 5. *Classical Review*, 1901, vol. 15, p. 117.
- Gowers E. Commentary. *Horace: Satires Book I*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 58–338.
- Gowers E. Horace, "Satires" 1.5: An Inconsequential Journey. *Proceedings of the Cambridge Philological Society*, 1993, vol. 39, pp. 48–66.
- Kirkland J. H. Notes. *Horace. Satires and Epistles*. Boston, Leach, Shewell & Sanborn, 1893, pp. 138–381.
- Meineke A. Discrepantia lectionis a textu Gaisfordi. *Ioannis Stobaei Florilegium*, vol. 3. Lipsiae, Teubner, 1856, pp. III–XLIII.
- Müller K. O., Donaldson J. W. *A History of the Literature of Ancient Greece*, vol. 3. London, John W. Parker and Son., 1858, 460 p.
- Musurillo H. A. Horace's Journey to Brundisium: Fact or Fiction? *Classical World*, 1954, vol. 48, pp. 159–162.
- Palmer A. Notes. *Q. Horati Flacci Sermones. The Satires of Horace*. London, Macmillan & Co., 1885, pp. 113–387.
- Radke G. Topographische Betrachtungen zum „Iter Brundisinum“ des Horaz. *Rheinisches Museum für Philologie*, 1989, Bd. 132, pp. 54–72.
- Reckford K. J. Only a Wet Dream? Hope and Skepticism in Horace, Satire 1.5. *American Journal of Philology*, 1999, vol. 120, pp. 525–554.
- Rooy C. A., van. Arrangement and Structure of Satires in Horace, Sermones, Book I: Satires 5 and 6. *Acta Classica*, 1970, vol. 13, pp. 45–59.
- Rudd N. *The Satires of Horace*. Cambridge, Cambridge University Press, 1966, 318 p.
- Savage J. The Cyclops, the Sibyl and the Poet. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1962, vol. 93, pp. 410–442.
- Treggiari S. *Roman Freedmen during the Republic*. Oxford, Clarendon Press, 1969, 293 p.
- Warmington E. H. *Remains of Old Latin*, vol. 3. London; Cambridge, Harvard University Press, 1938, 551 p.
- Wiseman T. *Cinna the Poet and other Roman Essays*. Leicester, Leicester University Press, 1974, 212 p.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2023 г.

Рекомендована к печати 10 апреля 2024 г.

Received: October 15, 2023

Accepted: April 10, 2024